

тому, чтобы окружающие действовали в соответствии с планами данного индивида и играемой им ролью.

Таким образом, режиссер в своей работе с актером предлагает актёру готовую роль, которую тот должен сыграть, имиджмейкер же должен помочь клиенту спрятать за новым образом свои пристрастия, психологические проявления и поведение, затрудняющие его восприятие другими. А также выделить более значимые характеристики с учетом предлагаемой ему имиджмейке-

ром другой роли, которая бы создала наиболее благоприятное впечатление о нем у окружающих.

Подобные параллели и отличия актерской и режиссерской деятельности с работой по созданию имиджа требуют привлечения к обучению имиджологов таких дисциплин, как актерское мастерство, режиссура, пластика, основы сценической речи, психология художественного творчества и проч.

1. Хейзинга Й. Homo ludens (Человек играющий): Опыт определения игрового элемента культуры. В тени завтрашнего дня. - М.: Эксмо-Пресс, 2001. 352с.
2. Mead G.N. Mind, Self, Society. Chicago, 1934. P. 142.
3. Э. Гоффман. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Инфра-М. 1990. С. 38.
4. R.J. Landy. Persona and Performance. London: Jessica Kingsley Publishers. 1993. P. 115.
5. К.С. Станиславский. Работа актёра над собой в творческом процессе переживания. - М.: Искусство. 1989. 511с.

6. Немирович-Данченко В.И. Театральное наследие. - Т. 1. - М.: Искусство. 1981. с. 202.
7. Вахтангов Е.Б. Материалы и статьи. М. Искусство. 1978. - С. 15.
8. Чехов М.А. Об искусстве актёра. - М. Искусство. 1999. - С. 14-19.
9. Мейерхольд Вс.Э. Статьи, письма, речи. Т.2. М. Искусство. 1968. - С. 487.
10. Crotowski, J. Vers un theatre pauvre, La Cite, Lausanna. -1971.

Д.В. Сергеев
Чита

Процессы архаизации и осовременивания в истории культуры

The article deals with semantic processes that are observed in historical development of cultures. The history of cultural crises has formed two main way-outs from them that the author names "modernization of archaism" and "archaization of modernity". Each of them has its particular features and stable trend which give possibility to observe the way of its development.

Теория смысла обогатилась значительными наработками в различных науках: лингвистике, психологии, социологии, логике и т.д. однако существует еще много проблем, которые стоят на повестке дня. Такова проблема источника изменений как культуры в целом, так и смысла в частности. Сторонники исторического материализма остаются на позициях, утверждающих культуру в качестве одной из важнейших общественных надстроек, которая отражает процессы, происходящие в социальной основе. Следовательно, источник всяких изменений находится не в самой культуре, а она лишь выполняет функции зеркала. Единственное, что можно отметить со всей очевидностью: культура вступает в более сложные отношения с другими сферами общества, нежели простое отражение. К тому же само культурное развитие детерминировано наличием определенных закономерностей, которые, с одной стороны, присущи только ей, а с другой, напрямую зависят от того, что происхо-

дит в экономике, политике, социальной сфере и т.д. Таким примером может служить пьеса Мольера «Мещанин во дворянстве», которая появилась в 1670 году за 119 лет до Великой Французской Буржуазной Революции, предвосхищая во многом появления новых капиталистических порядков. Конечно, можно сказать, что она «отразила» процесс становления и укрепления третьего класса, но, с другой стороны, нельзя не заметить прогностических мотивов того, что в реальности будет происходить с приходом буржуазии к власти. Мольер в этом отношении является талантливым аналитиком, описавшем то, что осталось, возможно, незамеченным его современниками и что мы можем оценить только с нашей исторической точки зрения.

Однако если рассматривать смысл в качестве строительного материала культуры, то совершенно логично обратиться к его характеристикам. (11; 12). Обладая интерсубъективным бы-

тием, он является одновременно предзаданным культурой и изменяемым по воле человека. Пластичность смысла позволяет культуре действительно чутко реагировать на изменения, происходящие в обществе. Но обладание достаточной силой инерции и развитие по определенным собственным семантическим законам придают ему устойчивость, а самое главное – определенный вектор развития. В этой статье мы не будем задаваться вопросом о соотношении примордиалистского и конструктивистского начал в онтологии смысла, поскольку это тема отдельного исследования. В данной работе в центре нашего внимания будут находиться общие культурносемантические закономерности.

В истории культуры четко прослеживаются две разнонаправленные тенденции, которые мы условно можем обозначить как «архаизация современности» и «осовременивание архаики». Безусловно, это научное упрощение, которое все богатство культурного развития редуцирует только к двум закономерностям, противостоящим друг другу. Это необходимо в методологических целях, поскольку тем самым вырабатываются схемы, которые позволяют раскрыть суть семантических процессов в истории культуры. Мы будем также говорить и о таком странном феномене как «изобретенная архаика».

Условность этой терминологии заключается в том, что здесь архаика понимается в расширительном значении. Речь идет скорее не о древних временах, которые постепенно стираются из памяти современников, становясь частью устного или летописного предания. Но это скорее традиция, которая образует культурное ядро, выступает сущностью и формой конкретной культуры, делая ее узнаваемой в собственных и чужих глазах. Понятие «архаика» в нашем случае выступает родовым для других терминов, предлагавшихся в разное время разными учеными, например, «коллективные представления» (Э.Дюркгейм), «культурные архетипы» (К.Юнга), «мифологемы» (К.Леви-Стросс), «концепт» (Ю.Степанов и др.) и т.п.

Для человека является нормальным и даже закономерным обращение к своей истории, старине, традиции. Механизм этого обращения, по всей видимости, восходит к мифологическому воззрению, где традиция как способ преемственности являлась не только единственной, но и строго обязательной, так как находилась в тесной связи с обеспечением космического порядка. Распадаясь, мифологический синкретический комплекс сохраняется на различных уровнях социального бытия в виде отдельных элементов. Лишь только со временем по мере эволюции

нравов и социокультурных отношений наблюдается разрыв между поколениями, что в классификации М.Мид соответствует конфигуративной и префигуративной типам культуры (10).

Обращение к архаике является необходимым средством в поддержании собственной этнической идентичности, что зачастую работает на формирование иллюзии неизменности, вечности, исповедуемых моральных установок, преемственности ценностной системы, образующей остоу культуры. Но это обращение может принимать различные формы и носить разный характер, а следовательно, результат, который достигается, также может быть принципиально различным. Главное различие этих процессов заключается в том, что они затрагивают разные стороны смысла. Они обращаются к принципиально противоположным уровням существования элементарной единицы культуры.

Архаизация современности предполагает не просто обращение к традициям культуры, но их возрождение в новых условиях. Таковыми являются культурносемантические процессы, происходившие с египетской культурой периода Саисской династии. По сути, речь идет о реакции древнеегипетской культуры на ее поглощение культурой античной Греции, которая становится доминирующей на тот момент в регионе, что проявляется в форме возрождения архаических элементов. Но процесс необратим и, в конце концов, такой «всплеск» заканчивается смертью древнеегипетской культуры.

Более того, предпринимаются попытки, направленные на минимизацию инокультурного влияния на Египет, особенно со стороны Греции: «Египетские жрецы пытаются отгородить египтян, в первую очередь самих себя, от иноземцев при помощи множества религиозных и бытовых запретов. ... Стремление искусственно возродить давно забытую старину, своеобразная архаизация чувствуются в памятниках письменности и литературы, в произведениях изобразительного искусства и предметах религиозного культа. Искусственно сохраняется и даже усложняется громоздкая система иероглифической письменности, несмотря на широкое распространение алфавитных знаков и проявление упрощенной скорописи, так называемой демотики, удобной для быстрой записи деловых документов. В религиозных текстах встречаются цитаты из текстов пирамид Древнего Царства, которые тщательно копируются и переписываются. На стенах гробниц тщательно воспроизводятся изображения, сохранившиеся в гробницах Древнего Царства. ... Все это приводит к резкому разрыву между искусственно воскрешаемой древней

культурой и теми формами культурного творчества, которое еще свидетельствовали о жизне-способности египетского народа. Так, демотическая письменность отрывается от архаизирующей религиозной и официальной иероглифики, народной язык – от омертвевшего «литературного языка» классической древности, народные формы религии – от сложных и непонятных народу богословских построений жречества, свежее реалистическое искусство – от однообразного повторения художественных произведений глубокой старины. Но все последние попытки сохранить самостоятельность и независимость Египетского государства и египетской культуры оказались тщетными. Египетское государство рухнуло под ударами могущественных персидских завоевателей» (1, 455-456).

Можно констатировать, что это была агония умирающей великой цивилизации. Для нас важно раскрыть причину тщетности предпринятых попыток, провала возрождения «древней старины».

Архаизация современности как семантический процесс предполагает обращение к культурным смыслам, которые уже устарели, которые находятся не в актуальной памяти этноса и его культуры, а на периферии. Требуются интеллектуальные усилия по их возрождению, но в этом случае они останутся понятыми только для части общества, которая, скорее, будет представлена элитой (что мы и наблюдаем в Египте). Для большей части представителей культуры они воспроизводятся как хорошо знакомое, но малопонятное действие. Такой процесс напоминает ритуализацию повседневности, поскольку требует выработки строгих механизмов закрепления возрождаемых традиций. Но самое главное в том, что ядро – семемы реанимируемых культурных смыслов – связаны с глубокой уже забытой древностью, они статичны, инертны и не несут новой энергии, способной двигать громаду культуры вперед. По нашему мнению, причина заключается в том, что архаизация современности обращена к внутренней стороне смысла, к плану содержания, но возрождение смысла невозможно, а точнее бесполезно, поскольку на тот момент он уже отработанный материал истории культуры.

Такие попытки были тщетны уже в самом начале.

Обращение к традиции становится особенно актуальным в периоды кризисов, когда человек всеми силами пытается восстановить ощущение «комфортности», которая связывается обычно с впечатлением неизменяемости, вечности культурной среды. Так было и в Римской империи в

период ее заката. Причем желание реставрации старины затронуло даже философию, которая в этом отношении, казалось бы, должна была бы проявить наибольшую чуткость. «Последние четверти века античной философии, в течение которых зарождался, расцветал и вырождался неоплатонизм, ознаменовались философской реставрацией старинной мифологии, когда философы понимали под древними богами те или иные философские категории и строили на мифах целую систему философии или, точнее сказать, своеобразную систему логических категорий. При этом возрождение древней мифологии в общественно-политической и чисто жизненной практике неизбежно терпело крах, как это произошло в IV в., с императором Юлианом, погибшим из-за своих стремлений воплотить в жизнь государства языческую религию и мифологию» (3, 27).

Юлиан совершил одну из самых бессмысленных вещей в истории человечества. Попытка восстановить языческую религию, когда ей противостоит полная энергии новая религия – христианство, которое находилось на стадии своего становления и для того времени буквально фонтизировало новыми культурными смыслами. Неудивительно, что реформа провалилась.

Однако можно пойти и от обратного. Если мы находим в истории культуры элементы, которые специально были привнесены из предыдущей, может быть, давно забытой эпохи, то это своего рода маркеры, сигнализирующие нам о ситуации кризиса, который общество переживало или переживает. Это есть не что иное как способ выхода из этого кризиса, который, и это мы можем предположить с большой долей уверенности, закончится провалом. По сути, это дорога в никуда, дорога в прошлое.

Воспользуемся примером, который приводит в своей книге Э.Тайлор «Первобытная культура»: «Мы можем проследить пережитки колдовства, возникшего во времена дикости, в варварском и древнем цивилизованном мире. Оно существовало в Европе до X в., но не очень заметно. Между прочим, закон Ротгара и Карла Великого направлены как раз против тех людей, которые готовы были предавать смерти мужчин и женщин по обвинению в колдовстве. В XI в. церковное влияние противодействовало суеверным представлениям о колдовстве. Но затем наступил период реакции. Сочинявшиеся в монастырях легенды и беззастенчивая торговля мнимыми чудесами поощряли пагубное легкоеверие по отношению ко всему сверхъестественному. В XIII в., когда дух религиозного преследования в свое мрачном и жестоком безумии стал овладе-

вать всей Европой, учение о колдовстве оживо во всей своей варварской силе. Что в этом повинна главным образом римская церковь, убедительно доказывают буллы Григория IX и Иннокентия VIII и история святой инквизиции» (16, 108).

Ученый-эволюционист практически не раскрывает истинную причину этих возвратов. Он считает, что описываемые им события хорошо интерпретируются его теорией пережитков. Но, по сути, это возврат на предыдущую стадию развития, причины которого Э.Тайлором не объясняются. Если мы хотим понять механизм таких «ренессансов», то должны обратиться к культурно-исторической ситуации XIII и XV вв., потому что это есть реакция на кризисную ситуацию, которая, как мы считаем, складывалась в эти исторические моменты. Процесс архаизации есть один из способов реагирования на кризис. Повсеместность преследования ведьм говорит о масштабном возрождении «пережитка». Следовательно, он не мог быть просто результатом хитрой политики отдельных лиц, это были симптомы культурного и/или социального кризиса того времени и форма излечения, которую Европа для себя выбрала.

Подобные примеры можно найти и в истории России. Так, мы находим следующие характеристики произведений Серапиона Владимирского, видного писателя и культурного деятеля XIII в.: «Четвертое и пятое Слово Серапиона посвящены осуждению народных предрассудков и суеверий: они направлены против испытания “ведьм” водой и огнем и против вырывания могил утопленников, которые, по народному поверию, вредили урожаю» (8, 113).

Мы не можем точно утверждать, что к моменту монголо-татарского нашествия христианство окончательно победило на Руси. Существуют свидетельства того, что борьба с языческими культами велась вплоть до XIII в. Однако обращение к этой теме епископа Владимира кажется не своевременным. Существовала куда более серьезная проблема – монголо-татарская оккупация. Это позволяет предположить, что именно в этот период происходит усиление или даже частичное возрождение языческих практик. Катастрофа потребовала нахождения механизмов ее решения, что и проявилось в форме возвращения, пусть и частичного, к язычеству.

Возвращение к архаике может принимать конкретные наглядные формы, как это было в случае с возрождением Великой китайской стены в XV в. «В конце XV в. императоры династии Мин решили сделать стену каменной. Новая стена стала внушительным ограждением.

Она соединила 25 тысяч сторожевых башен, расположенных на расстоянии полета стрелы друг от друга. Это была последняя сохранившаяся до сегодняшних дней попытка защититься от обитателей северных степей. Однако, несмотря на это, маньчжуры с 1644 г. завоевали Китай, основав Маньчжурскую династию» (4, 149). Восстановление стены как защитного военного сооружения от маньчжуров играло меньшую роль, нежели обращение к символу многотысячелетнего Китая, воплощающего его непоколебимость. Императорам династии Мин скорее всего нужна была не стена как материальная защита от врагов, а смысл, который она воплощала в себе, и в идеологическом плане работала на поддержание статуса династии.

Совершенно другим процессом является осовременивание архаики. Здесь тоже можно вести речь о возрожденческих тенденциях, но они носят принципиально иной характер. Возьмем простой пример из истории древнегреческой литературы, который является, на наш взгляд, очень показательным. Речь идет о дальнейшем развитии лирики, которая зарождается в недрах мифоритуальных практик и связана с эпосом. «Расширяясь все больше и больше, лирика этого периода начинает осваивать даже старинные мифы, но уже по-новому, а именно лирически. Отсюда – как бы возвращение к эпосу, но возвращение это происходит, конечно, уже на новой ступени. Таковы Стесихор, действовавший в Сицилии, Арион – в Коринфе, а также вся дорийская песенная лирика, по которой можно проследить переход от религиозных гимнов к светским мотивам» (3, 70).

Несмотря на то, что намечается возвращение к мифу и эпосу, мы не говорим в этом случае об архаизации современности. Поскольку лирика – это новая литературно оформленная форма рефлексии человека, которому необходимо было как-то осмыслить свои поступки, переживать внутренний и внешний миры.

Еще более красноречивым примером является зарождение конфуцианства. Конфуцианство – это реакция на кризис в государстве того времени. Историки отмечают, что во времена Конфуция во всех без исключения китайских царствах происходил все нарастающий процесс внедрения государства в общину, подчинения общинника, минуя аристократию и общинные органы управления. Процесс этот был долгим, мучительным и сложным, так как аристократия не хотела расставаться со своей властью. Нестабильная ситуация в стране в условиях жесточайшего кризиса борьбы за власть привела к падению нравов, подмене истинных ценностей их

суррогатами. Конфуций стремился к поиску идеальной модели личности, следование которой должно было привести к согласию в обществе, к оздоровлению политической и социальной ситуации в стране. По сути, учение Конфуция не привносит ничего нового. Наоборот, Конфуций говорит о возвращении назад, возрождении, в частности, почитания культа предков и заветов, которые были разработаны предыдущими поколениями. Тем не менее, конфуцианство несет в себе оздоровительную для культуры и общества новизну.

Причина кроется в том, что процесс осовременивания архаики направлен, в отличие от архаизации современности, на другую сторону смысла, на план его выражения. Возрождается оболочка, форма без его культурного смысла, который, как мы выяснили, все равно остался бы непонятным современникам. Понятным является действие, характеристика, культурная черта, то, что узнаваемо в семиотической системе культуры как некая традиция, суеверие, обряд и т.д., которые выполняются только потому, что они достались в наследство от предков. Наверное, это и есть то, что Э.Тайлор назвал пережитком и который мы можем определить как действие (ритуал) минус культурный смысл. В свою очередь, возрожденная оболочка наполняется новым живым культурным смыслом. Что-то новое, которое непонятно также как и давно забытая старина, преподносится в старой оболочке, в хорошо понятной «терминологии».

Таковым является, например, христианство. По началу оно вообще воспринимается как новая секта в иудаизме. Однако это далеко от истины, поскольку, воспользовавшись понятной теологической системой старой религии, христианство выразило новые смыслы, дало ответ на злободневные вопросы того времени и предложило человеку и его культуре новую систему ценностей. В старой форме было выражено новое содержание.

Осовременивание архаики является альтернативным путем выхода из кризиса, однако, более продуктивным, эффективным, а главное – ведущим к реальному разрешению проблемы. Данный процесс придает новый импульс развитию культуры.

А как быть в случае, если такой архаики у культуры нет или его фундамент не достаточно прочен, чтобы считаться хорошим основанием для выхода из сложной ситуации? В таких случаях некоторые культуры или ее отдельные представители не страшатся откровенной фальсификации. Об этом писал французский исследователь Р.Генон: «Не найдя никакой подлинной

традиции, на которую можно было бы опереться, доходят до того, что придумывают псевдо-традиции, которые никогда не существовали ...» (18, 33). Механизм порождения псевдоистории, который мы обозначаем как изобретенная архаика, заключается в утверждении «своего мира путем подключения интенциональных каналов», что актуализирует мнимую память (13, 40).

Это служит лишним доказательством того, что обращение не просто к истории, а именно к давним, возможно, мифологическим временам, к архаике, является мощным источником утверждения собственного культурного «Я». Для примера можно обратиться к труду, написанному на латинском языке готом (или аланом) Иорданом в середине VI в. «О происхождении и деянии гетов», где автор, «желая возвысить своих соплеменников», приписал германцам готам историю более древнего народа Придунавья – гетов (11, 345).

Таковым же является произведение «Сказание о князьях Владимирских», которое пытается установить генеалогические связи московских князей с основателем Римской империи Августом. В нем обосновывается теория о происхождении Рюрика из рода Прусов, основанного братом Августа Прусом, посланным римским императором на Вислу. «Опираясь на “Сказание о князьях Владимирских” как на исторический документ, Иван IV объявил себя царем и торжественно венчался на царство шапкой Мономаха в Успенском соборе в 1547 г. Грозный в дипломатических переговорах не раз ссылается на то, что он ведет свой род от Августа-кесаря» (8, 162).

Возможно, это один из путей преодоления кризисной ситуации или реакция на тревожащие процессы, происходящие в определенный исторический момент в культуре и обществе. Французской аристократии зачем-то понадобилось создавать миф о том, что она происходит не просто от римской знати, но ведет родословную от самого Энея, удлиняя тем самым свою историю более чем на два тысячелетия. С одной стороны, можно воспринять это как идеологические забавы праздного класса, но с другой, приняв во внимание, что это происходило буквально на кануне Великой Французской Революции, необходимость таких исторических «махинаций» становится понятной. Нет нужды говорить, что вред от таких изобретений превышает во много раз возможные выгоды, если таковые вообще возможны в данном случае.

Однако исторические экскурсы имеют ценность, если они применимы для анализа процессов, происходящих в собственной культуре. Что

же происходит сейчас с Россией? Положение дел в истории России традиционно отличается особой запутанностью. Российская традиция или, как мы условились ее называть, архаика пережила настоящее потрясение, когда она была взломана и подвергнута насильственным преобразованиям. Это не могло не сказаться пагубным образом на культуре страны. По сути, данный акт, сравнимый с актом вандализма, лишил этносы, проживающие на территории России, их органической культурносемантической среды. Взамен мы имеем как бы две архаики: имперскую и советскую. При этом обе они не являются глубоко забытыми, следовательно, реставрация и формы, и содержания культурного смысла вполне реализуема.

Кризис 90-х годов XX века требует реакции со стороны носителей российской культуры. А то, что это реальный кризис, можно подтвердить теми понятиями, которые ученые используют при описании современной ситуации: «сублимация национальных унижений», «острая фрустрация национального сознания», «комплекс утраченного величия», «кризис державной идентичности», «депрессивный синдром», «падение всех видов идентичности» (5; 9; 15). Логично предположить, что эта реакция реализуется в форме возрождения архаических элементов, каковой и является, например, реабилитация религиозной жизни. Но носит ли это возрождение позитивное осовременивающее содержание?

Приведем две газетные статьи, которые, по нашему мнению, красноречиво отразили, происходящие события. Первая статья небылвестного реформатора школьного образования А.Адамского, опубликованная в газете «Вести образования». В ней автор наглядно демонстрирует противоречивость складывающейся ситуации. С одной стороны, общество неоднозначно реагирует на планы Правительства выделить 4 миллиарда рублей на развитие нанотехнологий, одного из наиболее перспективных путей развития науки. Одновременно довольно спокойно встречает введение преподавания православной

религии в качестве обязательного предмета в нескольких регионах страны. А.Адамский с удивлением задается вопросом: «Как соединить две новости, две тенденции: бесовщину, приписываемую перспективному научному направлению, и законодательное закрепление религиозного формирования ребенка в отдельно взятом регионе?» (2, 1).

Мы понимаем потребность возрождения религиозного образования, которое может выступить культурным мостом, соединяющим настоящее и прошлое. Но нас не может не беспокоить будущее, что закономерно требует постановки вопроса: «А какие культурные смыслы могут быть возрождены?». Не заставит ли это повернуть развитие культуры страны в дремучую архаику и/или в очередной тупик.

Вторая статья под названием «СССР возвращается?» (7, 4-5), напечатанная в «Комсомольской правде», авторы которой Л.Кафтан и А.Гамов посвятили анализу популярности в последнее время символики СССР. Журналисты утверждают, что сегодня «СССР» становится своего рода модной торговой маркой. Авторы статьи приводят мнения разных специалистов. По мнению С.Маркова, директора Института политических исследований, это всего лишь «ностальгия по большому стилю». Ученый предлагает воспринимать данный факт не как политический, а «скорее как культурный». Однако известный писатель и главный редактор газеты «Завтра» А. Проханов и писатель-статистик А. Инин открыто говорят о своем желании вернуть былые времена.

На настоящий момент можно быть уверенным в одном факте: культура нуждается в семиотических формах и терминах, легко узнаваемых всеми членами общества. Другой вопрос, каково будет содержание этих категорий. Не увлечемся ли мы возрожденчеством до того, что вслед за формой потянется и содержание. В очередной раз мы оказались на перепутье, где необходимо сделать выбор между архаизацией современности и осовремениванием архаики.

1. Авдиев В.И. История Древнего Востока. – М.: Высшая школа, 1970.

2. Адамский А. Нанотехнологии православного формирования личности // Вести образования. – №17 (65), 2006.

3. Античная литература / Под ред. проф. А.А.Тахо-Годи. – М.: Просвещение, 1973.

4. Георгиева Т.С. Культура повседневности: В 3 кн. Кн. 1. Частная жизнь и быт древних обществ. – М.: Высшая школа, 2005.

5. Гудков Л.Д. Этнические проблемы в России: возможность систематического исследования // ВЦИОМ, Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – № 6, 1993.

6. История Древнего Востока / А.А.Вигасов, М.А.Дандамаев, М.В.Крюков и др.; Под ред. В.И.Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002.

7. Кафтан Л., Гамов А. СССР возвращается? // Комсомольская правда. – № 11 – т/4 (23844 – т).

8. Кусков В.В. История древнерусской литературы. – М.: Высшая школа, 1977.

9. Левада Ю.А. Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // ВЦИОМ, Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – № 1, 1994.

10. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988.

11. Немировский А.И. История Древнего мира: Античность. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2000. – Ч.2.

12. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998.
13. Руднев В.П. Как был сделан «Винни Пух» // Милн А.А. Дом в медвежьем углу. – Интернет ресурс.
14. Сергеев Д.В. Онтология смысла (культурологический аспект). Диссерт. ... кандид.культурологии. – Чита, 2004.
15. Сергеев Д.В. Развитие смысла в культуре // Вестник ЗабГПУ. Серия 2. Философия, культурология, социология, психология. Выпуск 1. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2005.

16. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989.
17. Хахулина Л.А. Восприятие населения социально-экономической ситуации в стране // ВЦИОМ, Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – № 2, 1994.
18. Guénon R. La crise du monde moderne. – Paris: Gallimard, 1964

Н.Н. Журавлева
Санкт-Петербург

Продвижение культуры малых народов для зарубежных аудиторий: принципы, методы, особенности

This article traces the most important questions of promotion of smaller peoples' culture of Russia abroad in relation to the Russian culture promotion there. The problems in question are examined in three discourses: diplomatic, culturological and PR-discourse. The author analyzes the process of promotion of the Buryat culture by the example of annual Festival of the Buryat culture and art in Paris (in 2002-2006). Ultimately, this study illuminates the characteristics, methods and principles of the promotion of smaller peoples' culture of Russia for foreign audiences.

Продвижение культуры за рубежом - тема, порождающая множество интересных дискуссий (1) в кругах специалистов по PR и внешней политике, а также искусствоведов и культурологов. Данный дискурс не может не интересовать культурных и политических лидеров малочисленных народов, населяющих Российскую Федерацию. Он также не может не волновать лидеров культуры и политической власти России в целом, поскольку деятельность по продвижению российской национальной культуры за рубежом в значительной степени определяет и корректирует во времени имиджевую позицию государства на международной арене. Таким образом, феномен продвижения культуры за рубежом является комплексным, многоуровневым и требует междисциплинарного подхода.

Характер рассматриваемых в данной статье категорий - культура малого народа, культурные индустрии, продвижение культуры, информационная политика по продвижению - свидетельствует о значимости темы для современной теории и практики международных отношений, PR и коммуникации, а также культурологии.

В исследовании проблем современных международных отношений особое внимание уделяется анализу межкультурных взаимодействий государств и народов, их роли в формировании современного мирового порядка. Внимание к проблеме определяется тем, что сегодня теория международных отношений рассматривает ци-

визационный фактор как фундаментальный по сравнению с экономическими интересами и идеологическими противоречиями. Естественным становится обращение к содержанию и формам международного сотрудничества в области культуры, науки и образования, межэтническим и межконфессиональным отношениям (2). Целью PR-деятельности в международной сфере является эффективное применение коммуникативных технологий для продвижения образа государства в сознании мировой общественности (3).

Примером продвижения культуры и искусства малого? или, точнее, малочисленного народа, за рубежом является ежегодный Фестиваль бурятской культуры в Париже, который и стал предметом нашего рассмотрения.

В ходе настоящей статьи мы хотим получить ответы на следующие вопросы:

- в какой степени уместно говорить о «продвижении культуры», апеллируя к маркетинговым категориям стратегии, продукта, бренда, и какое релевантное определение можно дать этому понятийному комплексу;

- является ли продвижение бурятской культуры своего рода «имплицитным продвижением» надэтнической российской культуры, занимающей доминирующее (лидирующее) положение по отношению ко всем входящим в нее этническим культурам - т.е. можно ли считать российскую культуру по отношению к этим